

ПОЛИНА ЛЮРО

АКУЛА В СТАКАНЕ

Полина Люро

Акула в стакане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70630495

SelfPub; 2024

Аннотация

Старые друзья неожиданно встретились в дачном посёлке, где когда-то вместе проводили летние каникулы. Их привёл сюда общий секрет — мистическое происшествие, случившиеся десять лет назад...

Полина Люро

Акула в стакане

Объяснить это иначе чем чудом было невозможно — трое приятелей снова встретились на даче. Не прошло и десяти лет — опять июль, жара, надоедливые комары да мухи... И огурцы в бабушкином огороде размером с маленькие увесистые кабачки. Вроде ничего не изменилось, только вот мы выросли, перестав быть детьми, каждый год проводившими каникулы в Зелёном городке, искренне верившими в «вечную дружбу»...

И разбежавшимися кто-куда, как только прошли выпускные экзамены в школе. Что поделать — это жизнь, и у неё на каждого из нас, видимо, были свои планы...

Конечно, совсем друг друга из виду мы не теряли — созванивались по праздникам, делились свежими новостями, шутили, обещая «уж в этом-то году обязательно встретиться и, как в детстве, порыбачить на Старом озере, пока оно совсем не пересохло».

Но, как водится, разного рода «обстоятельства» постоянно этому мешали — внезапная командировка, семья, дети, поездка в Турцию, будь она неладна, где меня обчистили как липку. Лучше б я тогда и в самом деле на недельку вырвался в Зелёный городок, чтобы помочь бабуле. Да у всех так,

правда же?

И вдруг...

Мы приехали в дачный посёлок не сговариваясь, в один и тот же день, хотя причины сделать это у каждого были свои. И, остановившись у колодца, по-стариковски охали, радуясь этой неожиданной встрече. Со смехом обнимались, подкалывая друг друга — мол, волос на голове вечно лохматого словно дворовый пёс Лёни стало заметно меньше. А у итак не худенького Димки пузо, наоборот, ещё больше выросло...

— Только ты, Саш, совсем не изменился — всё такой же пацан, — хлопал меня по плечу богатырской рукой Димыч, — я так рад видеть вас обоих, ребята. Клянусь, что чертовски скучал по нашему братству...

И тут как по команде все дружно повернули головы в сторону дома деда Макарыча — той самой покосившейся от времени развалюхи, где *это и произошло*. Спросите:

— Что же такого необычного случилось с тремя подростками десять лет назад?

А *то самое*, о чём мы старались не вспоминать, всячески избегая разговоров на тему летнего «происшествия». Возможно, именно нежелание думать о «странном случае на даче» на самом деле и было тем «*обстоятельством*», не дававшим нам встречаться все эти годы...

Однако сейчас, увидев друзей детства, я словно против воли неожиданно сказал:

— Надо же, дом ещё цел... значит, так и не продал его на-

следник Макарыча. Может, повторим «эксперимент», а?

Клянусь, что не собирался поднимать эту тему. Не знаю, как язык повернулся, ведь именно я *тогда* пострадал больше всех. Но что-то словно подталкивало самого осторожного из нашей троицы человека на очередную, скажу честно, *безумно опасную авантюру*. Не случайно же висевшая на шее монета на кожаном шнурке, с которой, собственно, всё и началось, стала быстро нагреваться...

Димыч и Лёня посмотрели на меня странно-обречёнными глазами.

– Знаешь, Сань, сколько раз снилось, что снова приходим *туда*. Я даже кричал во сне, и мама собиралась отправить «бедного сыночка» к мозгоправу, вот же засада... Хорошо, что той осенью забрали в армию — а там стало не до воспоминаний. Постепенно успокоился, — почему-то доверительным шёпотом сообщил Лёня, и мне не понравился его испуганный, но одновременно восторженный взгляд больших серых, немного навывкате глаз под белёсыми бровями.

Дима нахмурился:

– Я себе слова дал, что никогда больше сюда не приеду. Да ну его к... лешему, но вам говорить не стал, думал — засмеёте. А вот теперь, не поверишь, прям *тянет туда*.

Лёня нервно смял дрожащими пальцами только что раскуренную сигарету:

– Точно, точно... И у меня на эти выходные были совсем другие планы. Но почему-то я здесь, с вами. Что за чёрт...

Я тяжело вздохнул, пожимая плечами:

– Давно обещал бабулю навестить, и на душе было такое странное чувство — если сегодня не поеду, обязательно что-нибудь плохое случится.

Лёнчик выплюнул сигарету, затушив её дорогим ботинком с такой яростью, словно убивал злейшего врага:

– Это *она*, сволочь, позвала нас. А ты, Сань, говоришь «эксперимент». Только кто с кем *экспериментировать* будет... Ладно, хватит ныть, давайте покончим с этим — всё равно нельзя жить в постоянном страхе. Я готов, а вы? — к нашему вечно взерошенному приятелю, сохранившему свой привычный стиль в причёске «я упала с самосвала», вернулся его «командирский» тон.

Переглянувшись, мы с Димкой согласно буркнули:

– А то...

– Тогда встречаемся в восемь; ты, Лёнь, принеси вино и стаканы, как в *тот раз*. Я захвачу ведро воды, ну а Санёк — закуску с бабушкиного огорода. Всё должно быть идентично... Монета при тебе? — сейчас Димыч напоминал былинного богатыря, стремительно перехватившего инициативу у нервного «всезнайки». Совсем как в детстве — я даже умилился...

Кивнул в ответ. Наверное, со стороны наша троица напоминала отчаявшихся заговорщиков, отступить которым было некуда. От недавнего бурного веселья не осталось и следа, и мы молча разошлись по своим домам.

Я делал вид, что с интересом слушаю радостные бабулины истории о дачном житье-бытье, вяло жуя ароматный масляный блин, и вспоминал то, что до сих пор вызывало бессонницу и желудочные колики. Десять лет назад июль тоже выдался слишком жарким — во всех смыслах этого слова...

В тот день бабушка вручила мне лопату, строго показав на небольшую грядку, рядом с которой лежали кучки только что сорванного редиса:

– Перекопаешь и можешь гулять с ребятами до вечера. А то не поставлю бродить твой любимый квас — мучайся тогда в такую жару...

Отбрыкиваться было бесполезно, и, негромко ворча о *несчастной судьбе замученного ребёнка*, я взялся за дело. Через полчаса праведного труда, взмокнув и чуть не сломав «драгоценную» дедушкину лопату, «работяга» с гордостью осматривал вскопанную грядку. Вот тут-то мой орлиный взор и заметил в земле маленькую, потемневшую от времени монету.

Отмыв находку, я помчался с ней к Лёньке, в то время увлекавшемуся нумизматикой, и вскоре неразлучная троица уже до хрипоты спорила, строя догадки, каким образом мелкая, но, несомненно, римская монета — как утверждал наш «всезнающий» друг — могла попасть в Подмоскowie...

В конце концов, мы чуть не подрались, выясняя, сколько она может стоить, но здоровый как бык Димыч нас быстро успокоил:

– Отстань от него, Лёнь. Монету нашёл Санёк, пусть делает с ней, что хочет. К тому же она дырявая, толку от неё мало... Пошли сегодня вечером в дом деда Макарыча, чтоб ему, старому пьянчуге, на том свете икалось. Я у матери бутылку прошлогоднего смородинового вина утащил. Вкусное, прям как сок. С тебя, Сань, закуска. Собираемся в старом доме в восемь — всё равно раньше не получится — предки заставят огород поливать...

Мы сидела за пыльным столом в доме Макарыча — наследник деда уже год не объявлялся, и ребята из соседней деревни быстро сделали из старой халупы с прогнившей крышей свою штаб-квартиру. Хоть родители и стыдили оболтусов, постоянно гоняя подальше от чужой собственности, их это не останавливало.

Наша «троица» заглядывали в стоявший на отшибе соседский дом очень редко — разве что дождь переждать или, как сегодня, спрятаться от родителей. Но никогда не хулиганила, не крушила мебель и не била бутылки. Честно говоря, я всегда чувствовал себя здесь неловко, мысленно прося прощение у умершего, в общем-то, безобидного старика...

Замок с двери давно пропал, но стёкла в окнах пока целели. Даже в жару в деревянном срубе было прохладно. Лёня по-хозяйски разлил пурпурную жидкость в принесённые с собой стаканы. Я разложил на больших листьях лопуха сорванную на бабушкином огороде закуску, оставалось только дождаться Димыча, а тот, похоже, не спешил.

Не зная, чем заняться, мы с другом снова начали спорить о монете, пришлось даже временно снять её с кожаного шнурка, найденного в шкатулке у бабушки.

— Смотри, — поучал «всезнайка», — видишь здесь силуэт? Это нос галеры, значит, монета предназначалась морскому ведомству. А с обратной стороны, похоже, лицо какого-то божества... Надо чистить, но, думаю, это тоже связано с морем.

Но я его уже не слушал — меня заинтересовал небольшой мешок, затесавшийся в щель между кроватью и старым шкафом. Осторожно вытащил его и, чихая от пыли, вынул содержимое — это была простая стеклянная ваза. Совсем небольшая и даже без узора. Пока я чесал затылок, рассматривая находку, в комнату ввалился Димка с двумя ведрами воды, что вызвало гомерический хохот нашего самозванного нумизмата:

— Ну ты оригинал! Решил заменить «красное смородиновое» на ведро колодезной водицы? Эй, Сань, дай-ка мне эту штуку у тебя в руках. Смотри, Димыч, «стаканчик»-то размером что надо... Подойдёт?

С этими словами он прямо на полу сполоснул из ведра найденную вазу и, аккуратно наполнив её водой, поставил на стол.

Димка фыркнул в ответ:

— Сам пей, шутник. Это тётка в последний момент отправила *любимого племянника* к колодцу. Потом заберу...

Мы веселились, потягивая сладкое, немного терпкое вино и хрустя ломтями свежего, ароматного хлеба. Дары бабулиного огорода тоже шли на ура, и всё было здорово, пока я не вспомнил о монете, неосторожно отданной в загребушие Лёнькины руки. Пришлось снова вступить с ним в перепалку, и вредный приятель, видимо под влиянием «дегустации», со смехом швырнул её в меня. Кувыркнувшись в воздухе, «находка» плюхнулась прямо в почти до краёв наполненную вазу, прозванную Димкой «стаканом деда Макарыча».

Это рассмешило не в меру развеселившихся приятелей, но очень разозлило владельца «артефакта»: я молча закатал рукава рубашки, собираясь вернуть себе «талисман на удачу». Но всё пошло не по плану. Со дна «стакана», прямо рядом с упавшей монетой к поверхности начали подниматься пузырьки, и, что удивительно, с каждым мгновением их становилось всё больше и больше. Наконец вода в сосуде словно вскипела, и, охнув, стоявшие с открытыми ртами «наблюдатели» невольно попятились назад. Подальше от странного явления...

– Лёнь, это что за хр... — пробормотал Димка, не переставая жевать пучок зелёного лука.

– Понятия не имею, — вид у «всезнайки» был очень задумчивый, — чудная какая-то реакция...

А вот я сразу понял, что это только *цветочки*, и, к сожалению, не ошибся: пузырьки один за другим начали лопаться, так что вскоре нашим изумлённым глазам предстала за-

вораживающая и одновременно пугающая своей реалистичностью картина...

В «стакане Макарыча» плескалось настоящее, сияющее своей прозрачной голубизной... море. Мелкий белый песок на дне вспарывали пробежавшие по его поверхности крошечные рачки. Большие раковины моллюсков переливались под лучами вечернего, заглядывавшего в окна летнего солнца, стайки миниатюрных рыб шныряли между слегка подрагивавшими нитями водорослей...

Но всё это показалось нам лишь прелюдией к потрясающему спектаклю — внезапно из ниоткуда вынырнула, сверкая серебристой кожей и большими круглыми глазами, самая настоящая акула. Пусть и маленькая, но с такой страшной, полной отвратительно острых зубов приоткрытой пастью, что захотелось, как в детстве, с криком спрятаться под кроватью. И, судя по разорвавшим тишину воплям, не мне одному...

Хищница спокойно кружила над упавшей на дно монеткой и уплывать явно не собиралась. А три человека, словно зачарованные, застыли рядом с ней, не в состоянии сделать и шага...

Первым очнулся Димка, он перестал жалобно всхлипывать:

– Мамочка... Что это? — пробормотав трясущимися губами, — хватит вопить, идиоты, крики нам не помогут. Это ведь не галлюцинация, раз мы все видим одно и то же. Жду

твоих гениальных предложений, «всезнайка»...

Лёня сглотнул, задушено прохрипев:

– Может, это лишь аквариум, ничего страшного...

Тут и я подал голос:

– Не думаю. Посмотрите за окно — погода быстро портится, а только что было ясное небо. Акула кружит, и в воде становится темнее. Чёрт, понимаю, звучит дико, но вдруг она *управляет погодой*? На поверхности воды в «стакане» появились пузыри, как во время дождя, и на улице уже сверкает... Дим, ты самый сильный из нас, постарайся подойти к окну. Давай, ты сможешь...

Сердце в груди билось так яростно, что шум в ушах казался рёвом бушующего снаружи урагана. Я чувствовал, как отдельные капли пота стекают по коже, сливаясь в полноводные ручейки, и не отрывал глаз от сцепившего зубы Димки. Тот медленно, но уверенно разворачивался к окну и, спустя несколько томительных мгновений, словно вырвавшись из плена, бросился закрывать хлопавшие на ветру створки.

К счастью, ему это удалось. Он смотрел в потемневшее окно и молчал, наконец почти протонав:

– Это невероятно. Не может быть... Ребята, там снаружи — *океан*, и его уровень очень быстро поднимается. Через несколько минут он доберётся до окна, выбьет его и затопит всё вокруг... И тогда, даже если мы и не утонем, эта тварь доберётся до нас. Я вижу её плавник...

Я едва расслышал жалобный вскрик Лёни:

– Как — океан? Почему? А где же наша улица?

Голос Димки был полон обречённого спокойствия:

– Нет больше посёлка, ничего нет, только чёрная вода...

«Нумизмат» вдруг затараторил:

– Я же говорил, монета как-то связана с морем. Наверное, она из храма, посвящённого этой... гадине. Это всё ты, Сашка, ты её сюда принёс!

Его крик словно разбудил меня — я посмотрел на кружившееся в «стакане» чудовище и вдруг, наклонившись к прозрачному стеклу, прошипел ей прямо в морду:

– Охраняешь монету, значит? Всё дело в ней, да, сволочь? А вот и обломишься....

Наверное, я просто сошёл с ума, потому что молниеносно сунул руку в «стакан» и, не обращая внимания на страшную боль в ладони, раздираемой острыми зубами хищницы, начал методично прощупывать дно в поисках монеты. Потому что теперь не видел её — вода окрасилась в ярко красный цвет, цвет *моей крови*, и это несколько усложняло задачу...

Удивительно, но, наверное, тогда просто повезло, или кто-то на небесах решился нам помочь — вскоре монета оказалась зажата в изуродованных пальцах, и, даже падая на пол под крики друзей, я не выпустил её из рук.

Дальше всё было как во сне: снова светило солнце, Димка, рыдая, бинтовал клочьями своей рубашки окровавленную кисть друга, повторяя:

– Ты молодец, Санёк, она проиграла и исчезла... Просто

растворилась в воде. И в посёлке всё нормально, не было никакого урагана. А вот стены в доме мокрые, и вода на них — солёная.... Значит, всё было по-настоящему. Только ты молчи, друг, всё равно нам никто не поверит. А то в «дурке» запрут, оно тебе надо? Держись, Сань, сейчас скорая придет, Лёнька вызвал...

И он снова плакал, а я улыбался. Врачи сказали, так бывает — это шок. Ну да, ну да...

Понятно, почему никто из нас не хотел сюда возвращаться. И вдруг все снова собрались. Значит, *она* ещё не сдалась, что-то снова задумала — видно, хочет отобрать *талисман*. Только вот я так просто его не отдам... Не на того напала, он теперь под надёжной защитой.

Этим вечером у развалюхи Макарыча мне совсем не было страшно, а вот лица Димыча и Лёни можно было бы показывать в ужасниках — краше только в гроб кладут.

Дом старика за эти годы превратился в настоящую рухлядь — крыша провалилась, и пол сгнил. В пустых окнах резвился ветер, повсюду были разбросаны осколки стекла и битой посуды. Бомжи что ли резвились?

Я сразу нашёл его — «стакан Макарыча», тот стоял себе, целёхонький, на прежнем месте, укутанный в старый мешок. Меня, наверное, ждал. Ребята застыли в покосившемся дверном проёме — дальше войти так и не рискнули, бедняги, да, собственно, этого и не требовалось: сам решительно достал «вазу», и, взглянув на свою покалеченную кисть, без

лишних разговоров швырнул эту мерзость на пол. Осколки получились «что надо», на любой вкус...

За спиной облегчённо выдохнули друзья детства, и я с улыбкой обернулся к ним, поглаживая заветную монетку на кожаном шнурке:

– Вот и всё... Больше *ей* некуда приходить. Спасибо, что приехали, ребята, без вас я бы точно не справился.

Наш «всезнайка» непонимающе хмурился, переминаясь с ноги на ногу и прижимая к себе всунутое ему Димычем ведро с водой. А сообразительный пузан сразу смекнул, *что произошло*, и, засмеявшись, воинственно потряс отобранной у Лёни бутылкой с прекрасным смородиновым вином:

– Отлично, парни! Предлагаю отметить завершение операции «Акула в стакане» этим божественным нектаром. Но только, чур, не здесь — я знаю местечко получше...